
Русский кречет в свете Дарвинизма

Опубликовано в журнале "Охрана природы", номер 6, 1948, с. 66-79

Александр Федорович Котс

В сложном и запутанном вопросе о природе «Вида» и его происхождении изучение хищных птиц считалось издавна особо благодарным, а среда последних группа Кречетов являлась наиболее излюбленным объектом для тончайшего анализа и смелых обобщений. И не даром именно на изучении этих крылатых хищников столкнулись за последние полвека взгляды зарубежных и советских орнитологов.

В глубоком расхождении их взглядов отразилась в наивысшей степени зависимость конечных обобщений от таксономических оценок и обратно, обусловленность последних установками принципиального порядка.

Обратимся же к попытке беглого анализа этой во многом уникальной кречетиной группе при условии возможно объективного подхода и разграничения теории от факта, довода от допущения, возможного от вероятного и вероятного от подлинного знания.

В небольшом, но замечательном по цельности и мастерскому изложению докладе, озаглавленном «О Географическом Распространении Кречетов» профессор **Мензбир** выступил в начале настоящего столетия (1901) с изложением главнейших результатов изучения своих любимцев.

Охарактеризовав наружный облик всех известных о ту пору кречетов и ареал их обитания **Мензбир** следующим образом рисует их соотношение во времени:

«От древней формы кречета Балабана, населявшего в то отдаленное время все пространство от Марокко до северо-восточного Китая, вместе с частью Неарктической области, где она образовала местную форму „мексиканскую“, отделилась ветвь, особи которой особенно выиграла в интенсивности окраски. Она то и привела к образованию *Hendersoni*.»

«Другая ветвь шла в направлении к северным формам и дала начало *Logenzii* и *Altaicus*.»

«Итак, мы видим, что все три южные формы связываются между собой одним общим предком.»

«В *H. Logenzii* с другой стороны мы видим то промежуточное звено, которое указывает нам на то, где и каким путем образовались северные формы, и прежде всего оно объясняет нам переход к наиболее распространенному *H. islandicus*.»

«Исландский Кречет, постепенно изменяясь, дает от себя боковую ветвь *Gyrfalco*. От последней выделялась в свою очередь та меланистическая форма, которая известна ныне под названием „Лабрадорского“ Кречета.»

«Как последний штрих в генеалогии кречетов, заканчивая ряд, появился внезапно Полярный Кречет, так как путем аналогии с опытами Штандфуса над бабочками, мы должны признать что *H. sandicans* произошел не путем медленной эволюции из другой, более темной формы, но возник внезапно, как бы скачком»

Перед нами — образец типичного филогенетического построения, всецело опирающегося на метод подстановки временных соотношения под морфологические, метод, исходящий из предположения, что давность исторического расхождения отдельных форм пропорциональна их взаимному несходству.

И не даром убежденный дарвинист-зоогеограф **Мензбир** начал упомянутый доклад с такого положения:

«Задача всякого зоогеографического исследования — установление связи между географическим распространением животных с одной стороны и генеалогией с другой...»

И далее:

«Ограниченная в своем распространении северным полушарием и заключая в себе лишь немногие виды, эта группа, очевидно, дает нам менее сложную картину эволюции, нежели такая, виды которой широко распространена и многочисленны. »

В этих цитируемых двух абзацах три суждения, принимаются на положении исходных:

A. Эволюция живых существ в аспекте «Происхождения Видов» Дарвина.

B. Возможность генеалогической их группировки.

C. Квалификация всех приведенных Кречетов, как разных «Видов».

Но нетрудно видеть, что принятие двух первых положений умаляет роль и ценность доказательства последнего.

И в самом деле. Толковать ли всех описанных доселе кречетов, как представителей особых «Видов» (**Мензбир**), или ограничиться двумя видами: *F. gyrfalco*, *F. cherrug* (**Дементьев**); — выделять ли нам Балобана в особый род *Gennais* (**Мензбир**), или отнести к тому же роду, что и прочих кречетов, именно *Falco* (**Сушкин**), — для филогенетика все эти споры лишены принципиального значения, касаясь только допущения различной давности обособления видимых отличий, проецирования их на разное геологическое прошлое.

Но даже более того. Самая спорность и разноречивость взглядов на систематическое положение отдельных форм является лишь доказательством их несомненной эволюции, исходной, «школьной» базой Дарвинизма.

Таково было в исходе прошлого столетия суждение главы российских орнитологов по поводу природы и происхождения русского Кречета.

Тем любопытнее дальнейшая судьба этого кречета в истории науки, отразившая так ярко и наглядно эволюцию дарвинистической методик и смену взглядов на значение и роль отдельных фактов изменчивости организмов.

Сущность первой заключалась, как известно, в концентрации внимания на факты «внутривидовой изменчивости» («микроэволюции»), на изучение минуциознейших деталей изменений в свете не бинарной, но тринарной (или, даже четверной) номенклатуры, сущность и значение второй — в отказе от принципа «постепенности», как монополюсного властителя и двигателя эволюции.

Именно в свете этого двойного сдвига и двоякой эволюции методик полезно беглым образом напомнить любопытный путь, приведший за истекшее полустолетие к теперешним воззрениям на таксономические ранги наших кречетов, чтобы, продолжив путь, договорить доселе недосказанное им.

Мы начинаем с кречета «Полярного», как первого внушившего сомнение в «начале постепенности» и его роли в эволюции живых существ.

Давно известно, что, что наперекор быломu утверждению обратного, «Полярный» кречет ни в какую пору жизни не бывает темным, что наряды белые и темные встречаются у птиц того же выводка и той же пары, и что нахождение этих великолепных белых птиц не ограничено Гренландией. Все эти факты вынудили, как известно, развенчать «Белого Кречета» как представителя самостоятельно «Вида» и склониться в сторону признания «белого» наряда, как одной из «фаз» темного, сизого наряда Кречета Исландского.

Но столь же мало подтвердилось и деление «Сизых» кречетов на «темнотемных» Норвежцев и на «светлотемных» Исландцев.

Установленное в свое время для «типичных» особей с Исландии и Скандинавии и прилегающих частей нашего Севера, это отличие в соотносительной окраске темени и мантии теряется при переходе к кречетам «континентального», сибирского происхождения, вынуждая равно-компетентных авторов в разное время отмечать того же кречета то в качестве более темного «исландца», то как «светлого» континентального «Норвежца».

В результате — низведение «исландских» и «Норвежских» кречетов до принадлежности к тому же «Виду» — кречету «норвежскому», *Falco gyrfalco* L, с его различными локализованными расами (*F.g. gyrfalco*, *F.g. intermedius*, *F.g. grebnitzkii*,...).¹

Но еще проще и оправданнее развенчание «видовой самостоятельности» всех сочленов **буровато-охристой** подгруппы кречетов, группы **Балобанов**, будь то:

Балобан обыкновенный	Falko cherrug cherrug
Балобан сибирский (или джунгарский)	<i>F.cherrug saceroides</i>
Балобан тибетский (или монгольский)	<i>F.cherrug milvipes</i> (syn. <i>progressus</i>)

Все они взаимно разнятся по существу только по степени развития кирпично-охристого тона пятен и полос на верхней стороне, наличию или отсутствию голубовато-сизого надхвостья, полосатости рулей и степени развития рисунка низа и боков, т.е. отличий лишь количественного порядка.

Перед нами две различные по оперению группы Кречетов:

А. Группа Северная — уроженцы заполярья, царства льда, утесов каменистой тундры и скалистых берегов таежных рек, словно отбросивших на оперение своих питомцев сумрачные краски севера — сверкание глетчеров, свинцовый отблеск неба волны, туманы гор и синеву лесов.

В. Группа Южная — питомцы юга, словно закрепившие на своем теле знойные тона пустыни, озаренных багрянцем стволов деревьев и пламенеющих песчаных гор.

Две половины спектра: «теплый» и «холодный», ржаво-охристый и сизый или белый, размещенные по разным группам тех же острокрылых хищников.

И так естественно было спросить: Как увязать эти две линии в одну живую обобщающую нить?

Ответом на вопрос, но не простым а лишь на языке «дельфийского оракула» явился, как известно, кречет, именуемый **«Алтайским»**.

Описанный по двум лишь экземплярам полстолетие тому назад профессором **Мензбиром** этот «алтайский кречет» свою подлинную (или мнимую!) разгадку получил через посредничество двух других зоологов: давно (1909) покойного натуралиста-препаратора **Ф. Лоренца** и наиболее известного за рубежом России орнитолога, профессора — позднее академика, скончавшегося десять лет тому назад, Петра Петровича **Сушкина**.

Автору этих строк доселе памятно, как полстолетие тому назад, при посещении лоренцевской мастерской, впервые удалось увидеть странную по виду птицу, словно сшитую из двух различных оперений: сизого и ржавого. Окраска мантии до крайности напоминала оперение «сибирского» балобана: чередование землисто-бурых и кирпично-рыжих пятен, а надхвостье — сизое, как будто взятое и пересаженное с тела северного кречета, именно старого «Норвежца».

Переданный, как и все, что попадало к Лоренцу по редким кречетам, профессору **Мензбиру**, этот замечательный «двуцветный», «пестрый» кречет был им назван **«Лоренцевым Кречетом»**.

В итоге два различных хищника: один — **«Алтайский»**, всего более напоминающий «Норвежского», другой — «двуцветный, пестрый» **Лоренцевский** кречет, примыкающий к Балобанам.

Раскрыть соотношения этих двух птиц или приблизиться к познанию их истинной природы выпало на долю академика П. **Сушкина**. С одной из замечательных своих научных экспедиций П.П. **Сушкин** вывез, как известно, целый выводок этих загадочных, малоизвестных птиц, добытых из гнезда близ речки Кушка-Нур из Северо-восточного Алтая. Там же, у гнезда, был добыт и один из стариков, самец этого выводка.

¹ G. **Dementieff**. sur la variabilité géographique des Faucons Gerfauts *Falco Gyrfaleo* L. de l'hémisphère oriental. **Alauda**, Y. No 2, 1933 pp 132-166.

G. **Dementieff**. Revision systématique des faucons sacres *Falco cherrug* gray. — **L'Oiseau** et la **Revue Française d'Ornithologie**. 1947. pp 9-22.

Как ни известна эта уникальная находка всем причастным к изучению соколиных птиц, — необходимо беглым образом напомнить замечательный его состав.

Птенцы этого выводка в количестве **пяти** были весьма неодинаковы по оперению, при том различны уже в первом гнездовом наряде.

Четверо птенцов имели оперение молодых «Алтайцев»: сверху темное землисто-бурое лишь со следами желтоватых пятен, рулевые — темные со слабым охристым рисунком, кроме средней пары, одноцветной. Снизу — сильное развитие рисунка по белесовато-охристому полю.

Темный низ, преобладание темного рисунка, наиболее заметен у одной из самок.

Оперение пятого птенца — совсем отличное, напоминая оперение светлого пятнистого «сибирского» балобана, а именно: сверху землисто-бурое с крупными охристыми пятнами. Хвост — пестрый, с палевыми пятнами на всех без исключения рулевых. Низ — палево-белесый, но с преобладанием фона над отметинами в виде каплевидных крапин.

Оперение старого самца, убитого при выводке, типичное для «**Лоренцева**» кречета: землисто-бурая окраска мантии с коричневатыми пестринами, сизым надхвостьем и белесоватым низом с темным, редким сердцевидным крапом.

После первой линьки, установленной при содержании птенцов в неволе, темные птицы стали отчасти еще более темными, приняв окраску, свойственную типичному «Алтайцу» во втором пере: верх буровато аспидный со ржаватыми ободками перьев, снизу — ржаво-охристый с широким, сильно развитым рисунком «грушевидных» пятен.

Светлый экземпляр стал после линьки еще более похож на взрослого «сибирского» Балобана, имея светло-буроватый верх с крупными ржавчатыми пятнами, неясно полосатый хвост и сизоватое надхвостье, низ, — палево-белесый с редким каплевидным крапом.

При дальнейшей линьке экземпляры темные отчасти стали приближаться к оперению «норвежских» кречетов, а светлый — к оперению тибетского балобана, т.е. в двух разных и диаметрально противоположных направлениях, одни — к окраске «северного» кречета, другой к окраске пестрого, «сибирского» балобана. Там — приближение к дымчатому оперению, здесь — усиление ржаво-охристого тона.

Перед нами замечательное и в известном смысле уникальное явление: вмещение признаков **трех «видов»** птиц, именно Кречета «Алтайского» (1-ый и 2-ой Наряд у темных особей), двуцветно-пестрого (старый самец и темные птицы в последующих линьках..) и «сибирского» Балобана — среди птенцов того же выводка.

Является вопрос: Как нам рассматривать это явление и каково его значение для уяснения «проблемы вида»?

С точки зрения таксономической решение вопроса кажется нетрудным и дано былым счастливым обладателем этого выводка: отныне оба оперения «алтайское» и «пестрое» (двуцветное) должны быть признаны за изменения одной и той же птицы, именуемой «**Алтайским Кречетом**» по правилу приоритета.

Более ответственно и трудно объяснение состава выводка по существу.

И в самом деле. Перед нами птицы, позволяющие нам в двойной форме увязать сизую, «северную» с южной, «охристой» подгруппой Кречетов:

- a. Нахождением охристых и сизо-бурых птиц в одном и том же выводке.
- b. сочетанием сизого и охристого оперения на одной и той же птице.

Эта двойственность нарядов может быть объяснена **тройным** образом:

I. **Видовым Дихроматизмом**

II. **Параллельной Изменчивостью**

III. **Явлением Гибридизации.**

Рассмотрим порознь три эти толкования.

- I. Допущение, что перед нами случай «цветового диморфизма» той же птицы, обладающей во взрослом состоянии двумя нарядами, то буровато-сизым (типа кречета норвежского), то буровато-охристого (оперения «сибирского» балобана).

Именно это толкование Кречета алтайского, как «полихромной формы», принимается доселе большинством ученых, и принципиально это объяснение вполне логично, принимая во внимание еще большую дихроматичность северного кречета. Иной вопрос, насколько этот диморфизм оперения алтайских кречетов является доказанным. Не надо забывать, что это толкование опирается на двойственности оперения одного лишь выводка, происхождения которого известно лишь с отцовской стороны: старая самка выводка из Кушка-нур осталась неизвестной!

Вместе с ней осталась недоказанной и принадлежность матери данного выводка к «алтайской» форме кречета. А если так — то весь «дихроматизм» этого последнего оказывается «висящим в воздухе».

- II. Допущение, что перед нами случай «параллельности» («Аналогичности» или «Гомологичности») окраски и рисунка, т.е. тип изменчивости, на который в свое время обратил внимание и **Дарвин**, случай, хорошо доказанный на множестве примеров спорадического появления сходного наряда у животных, мало родственных, хотя и связанных единством общего происхождения.

Однако, как то показали полувековые сборы и исследования пишущего эти строки в отношении тетеревиных птиц, изменчивость этого типа есть явление необычайно редкое. Достаточно напомнить, что в своих особо ярких формах (стиля, нас интересующего..) эти «цветовые аберрации» (точнее: цветовые варианты) появляются среди обычных по окраске популяций в отношении одной ко многим тысячам, и даже сотням тысяч особей «нормальных»...

Но насколько иначе рисуются нам числовые отношения обоих оперений занимающей нас птицы: Как ни редки кречета с нарядом «пестрого алтайца», относительная численность их все же несравненно выше: общее количество алтайских кречетов, хранящихся в музеях вряд ли достигает сотни, между тем число «двуцветных» или «пестрых» все же приближается к десятку.

Подводить поэтому дихроматизм нашей птицы под понятие «Аналогической Изменчивости» мы не можем.

- III. Допущение, что перед нами — помеси, или гибриды, сочетающие признаки двух разных кречетов, типа «Норвежского» и типа азиатского Балобана.

Вам скажут: неизвестность самки выводка из Кушка-Нура затрудняет и гибридное его истолкование!

Это суждение только отчасти справедливое, поскольку комбинационность признаков у помесей обычно позволяет заключать и о природе их предполагаемых родителей.

Но даже независимо от разбираемого выводка, простой анализ оперения «двуцветной», «пестрой» формы Кречета алтайского и беглое сравнение с нарядами его ближайших родичей дает солидную опору взгляду на его гибридное происхождение.

И в самом деле.

Перед нами трое птиц, все три — самцы, во взрослом оперении, все три, определенные, как Кречета «Алтайские», но до чего они различны!

Крайний слева: сверху буровато-серый, более землистый на спине, на плечевых и кроющих крыла, лишь слабо испещренный палевыми кромками и пятнами, с сизым надхвостьем. Снизу — белый с мало обозначенным рисунком из штрихообразных или каплевидных пятен. (из коллекции проф. мензбира.25/1.1913. Окрестности Зайсана. «Кишкин — Тау») Дарвиновский Музей.

Средний экземпляр — типичный «пестрый» кречет, сочетающий ярко-пятнистую, почти что «пустельговую» окраску мантии и сизое надхвостье. Из коллекции проф. Г.И. **Дементьева**, любезно переданный им автору. 18. XII. 1931. — Южный Алтай. Катон-Карагай) — Дарвиновский Музей. В дальнейшем этот экземпляр мы будем приводить под именем «Дементьевского».

Правый экземпляр — напоминает оперение «сибирского» балобана за которого он и был первоначально принят автором: землисто-бурый сверху с крупными ржавыми пестринами. Низ — беловато-охристый, лишь слабо разрисованный. Добыт автором в Ужурском крае, на Саянах. В 902 Пал 20/11 1919 после 15 летнего содержания в Моск. Зоопарке.. Дарвиновский Музей.

Эти три алтайских кречета как нельзя лучше связывают сизую окраску Кречета Норвежского и глинисто-землисто-бурого «сибирского» Балобана.

Не даром первые, когда то добытые экземпляры Кречета алтайского сходили за «Норвежских», а «Ужурский» экземпляр, когда-то вывезенный мною из Саян и живший долгие 15 лет в московском Зоопарке жил и пал под именем «Сибирского Балобана».

И вот, учитывая эту крайнюю лабильность признаков у разных особей «алтайцев», как и «мозаичность» оперения у той же птицы — в частности «Дементьевского» кречета, эту мозаику тонов дымчато-сизого и охристого, трудно удержаться от сопоставления этой мозаики с окраской, свойственной типичным «мозаическим» гибридам, совмещающим на своем теле признаки различных видов, или сортов.

Сизо-дымчатую поясницу, сизое надхвостье и «штаны» словно заимствованы от Кречета норвежского, как то показывает ряд самцов этого кречета сибирского происхождения с надхвостом, идентичным по окраске и рисунку с таковыми «пестрого алтайца».

Но труднее расшифровка охристого элемента.

В общем охристые, ржавые, кирпичные тона упорно говорят за кровь балобана. Достаточно сослаться на Балобанов в собрании **Дарвиновского Музея**, которых ржавчатые пятна мантии по яркости и по размерам абсолютно идентичны с разрисовкой мантии «Дементьевского» кречета-алтайца.

Мантия такого пестрого Балобана плюс поясница и надхвостье (и отчасти рулевые перья) некоторых Норвежцев с крупной светлой разрисовкой, свойственной «континентальной» форме северного кречета Сибири, вместе взятые прекрасно расшифровывают оперение «пестрого» алтайца, как типичной «мозаичное» помеси.

Труднее гибридологически истолковать наряды выводка из Кушка-Нура, именно поскольку здесь отец этого выводка известен и, не будучи ни кречетом «норвежским», ни балобаном, мог передать своему «пестрому» потомку только сизое надхвостье.

Тем не менее, оба основных слагаемых, окраска сизая и охристая, могут быть и здесь сводимы к скрещиванию тех же птиц, или, точнее выражаясь, к смешанности крови.

Хорошо известно, нахождение гнездящихся балобанов в месте гнездовья кречета алтайского. И хотя случаев фактического гнездования в той же области норвежских кречетов доселе точно не доказано, но при обширности распространения этой последней формы и при свойственном для этой части Азии сближению северной и южной фауны, можно допустить наличие гнездящихся норвежских кречетов в районах гнездования «алтайцев», а тем самым и возможность скрещивания с балобаном.

Но и помимо этих фактов и соображений, делающих вероятным мысль о гибридности происхождения «пестрой фазы» оперения алтайцев, самый факт дихроматического оперения птенцов из Кушка-Нура, подтверждает толкование этих птиц, как особей гибридного происхождения.

И в самом деле. Слишком живо эта разномастность оперения птенцов и самое количественное отношение двух главных типов оперения напоминает расщепление, обычное среди потомков, получаемых при скрещивании двух разных «сортетов», и лишь относительная малочисленность означенного выводка не позволяет нам со всей определенностью сказать, какого типа расщепление имеем мы перед собой.

Условившись обозначать «алтайца» (относя его к «Норвежцам») буквой «Н», балобана — в широком смысле слова — буквой «В», возможно допустить два следующих простерших случая:

А. Один из двух родителей (и всего прежде самка, как оставшаяся неизвестной!) — гетерозиготна в отношении Балобана, имея формулу «НВ». Тогда интересующий нас выводок сложился бы по схеме: $NN \times NB = NN \quad NN \quad NB \quad NB$, т.е. 50% Алтайцев, 50% Балобанов

В. Оба родителя нашего выводка гетерозиготны в отношении Балобана. Тогда при доминировании «Алтайца» мы получим: $НБ \times НБ = НН НБ НБ ББ$, т.е. 75% алтайцев, 25% Балобана

Решить, к которому из этих двух элементарных типов отнести интересующий нас случай затруднительно за малочисленностью выводка.

Количественно, по пропорции «алтайцев» (норвежцев) и Балобанов второй вариант подходит ближе к схеме, но предполагаем гетерозиготность и самца, и самки, — допущение, не столь уже невероятное поскольку при совместном обитании обеих форм, возможно, что значительная часть всей популяции «Алтайцев» гетерозиготна и содержит в себе некоторую часть «балобановой» крови.

Проще допущение первого варианта, исходящего из гетерозиготности лишь одного родителя (именно самки, как оставшейся недобитой).

Несоответствие числа птенцов обоих типов оперения с постулируемой схемой объяснилось бы сравнительно немногочисленностью выводка, т.е. моментами случайного порядка, как случайно все птенцы последнего оказывались самками.

Достаточно вообразить, что кречетиный выводок по аналогии с другими хищниками, мог быть вдвое большим и пропорции «норвежцев» и «Балобанов» приблизились бы к схеме (по 50% от каждого из двух рядов), как сравнялось бы наверно и распределение по полам.

За принятие гибридного происхождения, гетерозиготности хотя бы части птиц, трактуемых доселе в качестве «Алтайцев» говорит и необычная изменчивость нарядов взрослой птицы, даже в их более частой «темной» фазе оперения.

Весьма возможно, что отдельные хранящиеся по музеям (в частности и в Дарвиновском) кречета Сибири, помечаемые то «Норвежцем», то «Алтайцем» равно компетентными учеными, являются как раз такими «извлеченными» норвежцами т.е. внучатными и правнучатыми гибридами, возникшими из скрещивания обеих форм, в самых различных комбинациях кровей.

Такое толкование «пестрой фазы» кречета «алтайского» как «помеси» отчасти подтверждается его необычайной редкостью: на тысяча «нормальных» кречетов, хранящихся в музеях мира, нам известны только единичные «двуцветные» и эта поразительная редкость неизбежна и естественна при толковании их, как рецессивных цветковых гибридов.

Но вернемся к нашему исходному вопросу о таксономической оценке нашей кречетиной группы и посмотрим, в какой мере толкование «пестрого алтайца» в качестве гибрида, проливает свет и на таксономические ранги этих птиц, и всего прежде выводка из Кушка-Нура.

Самый тип их расщепления на «Норвежцев» и «Балобанов» является как раз таким, каким он свойствен для гибридов, происшедших в результате скрещивания **не** двух различных «Видов», но различных «Варьетов», или «Морф» того же вида.

Но не то же самое ли говорит нам и господствующее доселе толкование «алтайцев» в качестве диморфной группы? Оба взгляда, и склоняющийся в сторону «**Дихроматизма**», и отстаивающий **гибридное** происхождение «пестрого алтайца» сходятся в признании того, что в разбираемом хищнике с его двумя нарядами эти последние суть цветковые варьететы.

Все различие обоих взглядов сводится к тому, считать ли этот диморфизм за укоренившийся в природе, или только временное состояние, снова и снова подновляемое в единичных случаях при спорадическом случайном скрещивании двух разных форм.

Нетрудно видеть, что такое совпадение обоих взглядов на дихроматическое оперение алтайской формы кречета определяет высоту систематического ранга и его ближайших родичей.

И в самом деле. Разбираемая здесь диллема сводится к простому силлогизму:

Оба типа оперения алтайской формы Кречета относятся друг к другу, как различные две цветковые фазы («морфы», или «цветовые варьететы»).

Оба типа оперения алтайской формы Кречета сводимы к двум различным оперениям, свойственным в отдельности Балобану и Кречету Норвежскому

Оперение Балобана и Кречета Норвежского относятся друг к другу как различные два цветовых варьета.

Это низведение двух главных представителей интересующей нас группы кречетов к двум разным «Варьетам» кажется натянутым и произвольным только при сопоставлении **Норвежца** западного типа и обыкновенного Балобана.

Но сопоставим светлого континентального норвежца и пятнистого сибирского Балобана.. Тот же рисунок при различном тоне при различии лишь фона оперения!

Там — беловато-сизый, здесь — буровато-охристый с тождественным узором темных супротивных пятен. Глядя на наряды этих птиц, невольно сравниваешь их с созданием человеческого творчества, с продукцией литографа: один и тот же контур, тот же основной рисунок проступает при различном колорите, обусловленном количеством и качеством употребляемых «камней».

И в самом деле. Пользуясь одними красками (кобальтом, синим лаком) получаем сизые тона Норвежца, пользуясь другими (смесью Хрома желтого и Охры..) — получаем ржавые тона Балобана. Так поступил бы наш воображаемый литограф при репродуцировании окрасок наших птиц при их цветном изображении на камне...

Но не так ли и в самой Природе, сходный «штамп» рисунка полагается в основу оперения двух наших хищников, различия же в цвете не зависят ли всецело от различных факторов окраски, целиком определяющих особенности колорита, будь то у различных особей того же выводка, будь то у особей различных рас.

Нам скажут: все это — только догадки и предположения! Сравнение — не указ и аналогия — не доказательства!

Мы отвечаем: демонстрировать «ад окулос» природу и происхождение нас занимающих окрасок и рисунков ми не в состоянии, поскольку Кречета — не куры и не канарейки и не размножаются в неволе.

Но характерно, что тот же вывод: толкование двух разных оперений Кречета алтайского (норвежского) и пестрого балобана, как «цветовых» лишь варьететов или «морф», частично лишь локализованных находит для себя опору при различных двух подходах к разрешению вопроса: исходя из данных Таксономики и доводов Генетики.

Мы подошли к итогу вашего анализа. Он сводится к ответу на вопрос: Что представляет из себя разобранная нами группа птиц, столь целостная по структуре, столь различная по оперению?

Мы говорим: все Кречета (за вычетом, быть может маленького «Мексиканца») суть не более, как «цветовые фазы» или «варьететы» той же птицы, резко полихромной, образующей ряд «морф», то в разной степени локализованных, то наблюдаемых совместно в той же местности, и в том же выводке.

За это говорит не только нахождение в одном гнезде сизых «Исландцев» с белыми «Полярными»; — не только иллюзорность точного разграничения «Исландцев» и «Норвежцев» на громадном протяжении от Урала до Манчжурии, но и встречаемость в центральной Азии, бок о бок на гнездовье двух различных «форм» Балобанов: «джунгарских» (пестрых) и типично-европейских с одноцветной мантией.

Поскольку же такое гнездование в той же местности двух близких но неоднородных форм возможно либо для животных разных «видов» либо — разных «цветовых вариантов», но не разных «рас географических» — то остается лишь отстаиваемый нами взгляд на кречета Алтайского (Норвежского) и на Балобана, как цветовые фазы той же птицы (наподобие дихроматичным, или даже полихроматичным совам, цаплям, и подорликам).

Но этим самым отпадает затруднение, указанное в свое время лучшим знатоком нас занимающих здесь птиц, профессором Г.П. **Дементьевым**, его сомнения в возможности объединения **всех** кречетов под общим видовым названием, как то отстаивалось **Клейншмидтом**.

Но даже более того.

Как ни смотреть на внутривидовую таксономику всех кречетов, имеется другая сторона вопроса, более значительная: факт возможности, основываясь на предложении здесь толковании «пестрого алтайца», как гибрида, заключить о генезисе сизого и охристого элемента кречетиного наряда вообще.

И в самом деле. Эта «мозаичность» сочетания охристых и сизых элементов оперения у той же птицы («пестрого алтайца») не является ли аналогией подобной же мозаики наследования во всех тех случаях, когда касается оно «абберративных», или, говоря точнее «мутативных» признаков.

Но, если так, то не имеем ли мы право думать, что подобно белоснежному наряду, мутативно возникающему спорадически то здесь, то там, на базе сизо-дымчатого оперения, это последнее, а равным образом и охристые, ржавые тона балобанов (в широком смысле слов..) зародились некогда «абберративным» способом, чтобы затем, меняясь под влиянием экзогенных, или эндогенных факторов, сложиться в те, или иные, местные, географические, расы...

Но ведь если так, — а рассуждения эти несравненно более базированы, чем любые филетические построения внутривидового ранга (стиля вышеприведенного), то не имеем ли мы право видеть в разбираемом примере только лишний довод в пользу несравненно большего признания роли и значения «прерывчатой изменчивости», чем то признавалось автором «Происхождения Видов»?

Но доказывая лишний раз наличие в природе резких и внезапных качественных изменений, лишь утверждаемся в концепции, так ярко подтверждаемой всей совокупностью наук за гранями биологических.

Именно в свете этого примата **качественных** изменений и отказа от боязни признания «скачка» в Природе (отвергавшегося **Дарвиным** лишь на словах, на деле же обильно пронизавшего все гениальные его труды..), возможно оправдать попытку предлагаемого очерка: представить в несколько ином аспекте и с другим акцентом группу наших многолетних, острокрылых хищников.

Заканчивая настоящий очерк, позволительно связать его с текущими задачами, практическими целями и специальным обликом данного Сборника.

Общеизвестно, как до нашей Революций, в итоге хищнического хозяйничания скупщиков пера, это последнее в неисчислимых тоннах вывозилось за границу, и не только от домашней птицы, но включая массовые поступления в Москву за счет отстрелов дикой, в том числе редчайших соколов из отдаленнейших частей Сибири.

В зарубежных орнитологических журналах приходилось с огорчением читать о том, как иностранные ученые за счет таких прибывших из России транспортов пера и птичьих шкур приобретали за бесценок экземпляры птиц, доселе считанных в коллекциях наших музеев.

Можно быть уверенным, что с этим вандализмом навсегда покончено и нашел «национальной» птице, Соколу и Кречету, воспетой русскими былинами и песнями, этой эмблеме наших героичных датчиков, объекту давнего внимания орнитологов России, — будет обеспечена и должная охрана под открытым небом и приоритет в научной разработке **Русскими** музеями и **Русскими** учеными.

И в самом деле.

Как в любом разделе умственной культуры, будь то в мире звуков, или царства слова, есть напевы, или мысли, близкие, созвучные именно данному народу, — так и в области познания живой природы, в частности пернатых властелинов воздуха, — проблем «**Сокола**» и «**Кречета**» издавна уделялась русскими учеными особое внимание: от **Северцева**, **Мензбира** и **Сушкина** до современных их преемников и продолжателей.

Но никому из них, наших советских Орнитологов, не довелось отдать «русскому соколу» так много времени, любви и сил, как общепризнанному их главе — профессору Георгию Петровичу **Дементьеву**.

Анатом, музеолог, полевой натуралист, эколог, физиолог, библиограф и библиофил, историк и зоогеограф, автор капитальных сводок, специальных монографий и общедоступных популярных книг, он первый подошел к проблеме «**Сокола**» во всей ее манящей многогранности.

От скрупулезных изучений филигранной графики пера или скульптуры кости, хода линьки и деталей местонахождений, от вопросов практики охоты с «ловчим соколом», его охраны и до основных вопросов эволюционного учения и Дарвинизма — нет того аспекта, в направлении которого Г.И. **Дементьев** не пытался бы с успехом подойти к познанию своих любимцев, будь то под открытым небом тундры и Туркмении, или под сводами музеев **Ленинграда** и **Москвы**.

Именно в этом смысле вышеприведенные страницы да послужат скромным вкладом в дело изучение нашей «национальной птицы» в направлении глубокой мысли, высказанной некогда великим физиологом, и так удачно избранной **Дементьевым** эпиграфом к одной его работе, посвященной все тому же Соколу:

«Узнай я что либо до основания, и я познал бы все!»